РАСПЛОХЪ.

ГЛАВА І.

Подъемъ.

Да, счастье, у кого есть эдакой сынокъ — Имъетъ, кажется, въ петлицъ орденокъ?

«Вставай, ребята! Полно валяться на ржаныхъ пуховикахъ пана Радомантовскаго, вставай! съдлай! Солнце подольское ужъ вышло изъ-за жидовской корчмы; утки и бабы полощутся въгрязномъ ставкъ, пора ъхать!»

Такъ прогремълъ зычнымъ голосомъ плотный, невысокій, плѣшивый усачъ въ полосатомъ архалухѣ, съ длиннымъ чубукомъ въ зубахъ; съ громкимъ хохотомъ поправилъ красную феску свою, и началъ стаскивать шинели и бурки съ офицеровъ и юнкеровъ своего эскадрона,

лежавшихъ, восемь человѣкъ мужескаго пола, въ повалку, на разостланныхъ снопахъ соломы.

полураздѣтые Полуодътые, вскакивали, хватались за одежду, скликали Васекъ, Ванекъ и Мишекъ своихъ; одинъ кричаль: трубку! другой: сапоги! третій: умываться! А эскадронный командиръ къ каждому изъ сихъ командныхъ приговаривалъ во все драгунское горло: «а между прочимъ – водки!» Мертвая тишина обратилась шумный, многоязычный ВЪ хаосъ; отрывки турецкихъ и молдавскихъ изръченій свидътельствовали объ участіи драгуновъ нашихъ въ дѣлахъ И забалканскихъ, а восклицанія: ≪ВШИСЦЫ дзябли, и коханый!» о нынъшней стоянкъ въ Польшѣ.

поѣдемъ «Куда же МЫ сегодня, капитанъ?» спросилъ маменькинъ сынокъ, поручикъ Охинъ. – Не сидъть же намъ возгласилъ тотъ, сиднями — И волочиться же тебъ, ухо-парню, за однъми замарашками! жидовками, да Быть Огиркахъ, и не видать панянокъ мосципана добродзія Жабрудскаго, это значить быть въ кунсткамеръ и не видать слона; въ Римъ и папы не видать! Мое красное времячко вмъстъ умчалось, темнорусыми волосками чела которые вътеръ разнесъ одинъ по одному, и обширному развѣялъ ПО лицу царства! Но я знаю и помню ляхитокъ, и васъ, новичковъ, хочу пустить въ колею по слѣдамъ нашимъ! Вы еще молоды, зелены, не смълы; но, погодите, я васъ всъхъ поставлю съ лѣвой ноги въ галопъ! Сѣдлай, ребята! съдлай, время ъхать.

— Ванюшка! чаю! — закричалъ Охинъ. «А между прочимъ водки!» прибавилъ капитанъ, «китайцы пьютъ чай изъ фарфоровыхъ чашекъ! Цъдятъ воду сквозъ желудки свои бархатные! Ужъ цъди, не цъди, вода есть, вода и будетъ!»

Вода для прачекъ и для турокъ, Для пароходовъ, для гусей, Для тонкихъ, бѣлорукихъ цурокъ, Лицетворительныхъ мазурокъ, Вода — для дѣвокъ и дѣтей! крутой!

Гусаръ бутылкамъ рубитъ шеи, Шампанскимъ топитъ, не водой; Уланы, спѣшившись, траншеи Ведутъ подъ Дона батареи, А латникъ пьетъ лишь пуншъ

Драгунъ коня поитъ водою, И турокъ топитъ не въ винѣ; А пьетъ, что поднесутъ порою — Кромѣ съ водой и съ квасомъ, къ бою Хоть съ чѣмъ готовъ, и на конѣ!

«Пей!» продолжаль онь, подавая чарку Карачуну, сочинителю этой пѣсни, «пей, хохоль, да садись на коня!»

Взнузданные кони ржали подъ крыльцемъ, драгуны, потирая ихъ полами шинелей своихъ, на нихъ покрикивали; жиды, снявъ мохнатыя шапки и сбившись кагаломъ кучку, ВЪ стояли почтительномъ отдаленіи и, въ ожиданіи, любуясь лошадьми, бормотали всегда по семи вдругъ. Не смотря на раннее утро, эконома, ставни окна пана И

коммисаржа, пана рахмистра, пана кассира бълокурыя растворились, И головки мелькомъ выказывались. Босыя дъвки, въ шерстяныхъ, тъсно обвитыхъ запаскахъ, съ шерстяною тесьмою И бархатокъ пучечками калины ИЛИ головѣ, присѣдая ноготковъ на ведрами, ИЛИ ПОДЪ связками тяжелыми зыбкомъ мокраго бѣлья на коромысль, пробъгали базарную площадь. иноходью Мърно выступая подъ большимъ выокомъ съна, однозвучно побрякивали драгуны рѣдкіе шпорами удары валька отголоски ихъ звонко отдавались плотины. Вычищенные кони полуэскадрона стояли смирно со вздернутыми къ верху мордами у высокой коновязи, водили чутко слову дежурнаго унтеръушами И ПО «торбы навѣшивать!» офицера: зашевелились всѣ и дружно ВЪ голосъ офицерскіе заржали кони, подъ крыльцемъ, оглядываясь назадъ, имъ отвъчали, герои И наши, подъ предводительствомъ эскадроннаго командира, шумною толпою выступили на

«Если будетъ,» полковникъ крыльце. закричалъ капитанъ, занося ногу въ стремя, ожидавшему вахмистру, y крыльца приказаній, ж от≽ табунъ уѣхалъ!» ВЪ Облако пыли и конскій топотъ помчались мимо растворенныхъ оконъ панскаго двора, гдъ шумные клики замолкли и фуражки вѣжливыхъ мелькнули рукахъ ВЪ Царинный, всадниковъ. завидѣвъ издали, скрипомъ, отперъ co стержнъ, ворота, широкія, длинныя, на ведущія изъ села въ поле; бросивъ шапку на землю, онъ долго глядълъ имъ вслъдъ и, почесывая голову, казалось, любовался.

ГЛАВА ІІ.

Походъ.

Противорѣчье есть, и многое не дѣльно!

Выѣхавъ за село, поудержали кавалеры наши коней и поѣхали шагомъ.

Разговоры военнослужащихъ ограничиваются, какъ то и во всякомъ сословіи бываетъ, кругомъ мыслей, возбуждаемыхъ предметами, быту сословія свойственными. Первая вещь для пъшаго, офицера, служба; коннаго И непосредственно за нею слѣдуютъ толки, суды и пересуды о тъхъ, непосредственной власти коихъ они подчинены; а потљмъ, будто для отдыха какъ И отрады, обращаются воспоминаніями и надеждами своими на неизсякающій душепитательный предметъ, занимающій болѣе или менѣе глубину души каждаго.

- Пошли Богъ скорѣе ремонтъ, сказалъ капитанъ; «скучно объѣзжать этихъ беззубыхъ клячъ, которыхъ, подъ Карасу, едва живыхъ, на подпругахъ, водили на водопой и съ водопоя. Я уже опять наизустъ знаю каждый уголъ манежа, гдѣ которая изъ нихъ съ ногџ сбивается и гдѣ жмется къ барьеру.»
- Пошли Богъ ремонтъ, прибавилъ одинъ изъ товарищей, тотъ же Карачунъ: и пошли Богъ терпънія! Меня ознобъ до пронимаетъ, подумаю, мозговъ какъ сколько туть будеть, день за день, крику, шуму, визгу, и все это о ничемъ! А кто болѣе наконецъ страдаетъ при ЭТОМЪ всѣхъ? Онъ же самъ; его чувствительное gef9hlvolles нъмецкое mein сердце, deutsches Herz, какъ онъ самъ его изволитъ величать, не можеть перенести равнодушно этихъ вспышекъ, взрывовъ и покушеній спятить съ ума; и слъдствіемъ всего этого бываеть — желчная горячка!

«Да», возразилъ Костроминъ: ≪твоя правда. Странно, что люди, какъ онъ, живуть въ двухъ лицахъ. Въ обращеніи съ обществомъ, съ людьми посторонними, это совсѣмъ человѣкъ, не ТОТЪ что подчиненными; тутъ нравъ, тамъ другой, чувства, мысли, правила, совсъмъ иныя; словомъ, это два лица въ одномъ недълимомъ. Намъ указываютъ на Европу, на нѣмцевъ, на французовъ, италіянцевъ, на англичанъ первообразы умственнаго и нравственнаго просвъщенія. Если это такъ, то по крайней мъръ должно признаться, что эти господа такъ успъшно перенимаютъ у насъ то, въ чемъ, не обинуясь, сами насъ обвиняютъ, что вскоръ далеко превосходять учителей Они высокопарно своихъ! охотно И разсуждають о равенствъ человъчества, о снисхожденіи къ недостаткамъ ближняго и обходительности житейской, между тъмъ какъ сами неръдко обходятся уже вовсе не отечески съ нижними чинами, и бываютъ дерзкими и тягостными для офицеровъ. Наши русскіе, правда, бываютъ иногда

того, иной, ЧТО неотесаны, ДО и Русскаго Инвалида, воинскаго устава ръшительно печатнаго листа въ рукъ держаль; есть и такіе, что огонь и воду прошли, и ради драть съ полка, какъ жидъ съ аренды; но за то удаются и добряки средней руки, честные, прямые, не всегда ученые, но умные, И постигшіе обходительности настоящій духъ народа. Есть», Костроминъ, «есть образованные, умные, уважаемые благородные, начальники. Напримѣръ, полковой командиръ алыхъ этакимъ человѣкомъ не гусаръ: кто СЪ полѣзетъ адъ?» — Напримъръ, – ВЪ Карачунъ: – продолжалъ чтобы возвратиться къ пъхотъ, командиръ того егерскаго полка, который въ послъдній турецкій походъ заслужиль въ одномъ дѣлѣ всъмъ офицерамъ по двъ награды! полка, отдаленный которомъ выстрѣлъ ВЪ каждомъ рядовомъ отзывается ВЪ сверхкомплектнымъ ударомъ пульса! Вотъ кому командовать дивизіями!

«А 37-го егерскаго бывшій командиръ», заступился съ горячностію Герстенмейеръ: «Какъ, развѣ...» — Ну, такихъ нѣмцевъ давай Богъ побольше, — возразили Карачунъ и Костроминъ въ голосъ: — это дѣло иное!

«Бросимъ это», возразилъ Охинъ: «и поговоримъ лучше о дѣльномъ. Скажи намъ что нибудь о полькахъ. Правда ли, что онѣ всѣ красавицы, всѣ милы и всѣ дурачатъ мужей?»

— Миъ кажется, отвъчалъ Костроминъ, – что въ образованіи, какъ тълесномъ, такъ и нравственномъ, обоихъ половъ народа русскаго и польскаго, есть какая-то противоположность, на которой основывается и житейскій быть каждаго. Должно признаться, говоря о среднемъ купеческомъ и мъщанскомъ сословіи, что у благообразны, мужчины статны и насъ женщины менъе видны, плотны. Природа, образовала первыхъ кажется, лучше; умственныя способности ихъ также болъе развиты; уже по этому самому мужья у насъ въ домашнемъ быту берутъ верхъ; они

самоуправны; добрая жена почитаетъ себя подданною мужа; если каится передъ нимъ въ проступкахъ своихъ, то говоритъ, при поклонъ: побей меня, низкомъ поучи Польки, прости! напротивъ, даже сословій, большею среднихъ стройны, умны, хитры; словомъ, онъ, какъ свойствами тълесными, такъ и еще болъе качествами умственными и нравственными, рѣшительно первенствуютъ надъ мужьями: онъ гораздо проницательнъе ихъ, а потому знають это, и умъють этимь пользоваться. Воть почему у нихъ мужъ второе лице семейства, и болъе самъ повинуется, чъмъ повелъваетъ!

«Вздоръ все!» закричалъ капитанъ, вслушавшійся въ послѣднія слова Костромина: «не вѣрь, Охинъ; волочись смѣло и прибирай ихъ къ рукамъ, да только самъ не поддавайся, такъ и помыкать тобою не будутъ!»

— Я говорю одно, возразилъ Костроминъ, — а вы другое. Вы говорите волочись; для чего же вы не скажете женись? «Нѣтъ, братъ, ужъ это пустое», отвѣчалъ капитанъ: — наше дѣло волочиться, а жениться — это предоставимъ пѣхотнымъ, которые, какъ слышно, станутъ здѣсь на зимнія квартиры!»

— Опять нападки на пѣхоту! Смѣйтесь, капитанъ; но между тѣмъ, вы, я это знаю, пѣхоту нашу уважаете!

«Всему своя череда, свое мѣсто», отвѣчалъ тотъ: «славно штыкомъ работаютъ; но въ свѣтскомъ обращеніи съ женщинами они вовсе шутокъ не знаютъ; вляпается такъ весь, что его коновязнымъ коломъ не отобъешь!»

- Въ самомъ дълъ, это странно, сказалъ Карачунъ – что у насъ конница такъ храбрится передъ пъхотою, тогда, какъ послъдняя не уступить первой. Кто бывалъ въ дѣлахъ съ только нашими войсками, согласится, что оплотъ конница, пъхота. Любо нашихъ не a видѣть, слушать И съ какою самонадъянностію, спокойствіемъ самоотверженіемъ гренадеръ беретъ ружье на перевъсъ! Обаятельное ура! никогда не

густой колоннъ, измѣняло идущей Словомъ, проломъ. истинно русскій безпрекословное воинскій духъ, повиновеніе и шутливое острое слово, при горькой улыбкъ отъ нуждъ и лишеній, это мы видимъ въ пъхотъ, въ этой грозной, неутомимой, неумолимой, мертвой-живой стънъ! И это основано на духъ народа русскаго. Почти во всей остальной Европъ конница лучше пъхоты; у насъ недостаетъ огня и пылкости для атаки кавалерійской, гдъ все должно летъть сломя голову, гдъ требуется минутнаго, только изступительнаго восторга. У нихъ нътъ желѣзнаго постоянства, этого неутомимости, слъпаго повиновенія и силъ тълесныхъ – качествъ необходимыхъ для пѣхоты!

«Далеко ли до Чаповца?» спросилъ Охинъ, растаявшій жару отъ какъ леденецъ, – ъхавшаго встръчу имъ, на паръ сърыхъ огромныхъ воловъ, мужика. Хохолъ снялъ высокую черную баранью шапку, кивнулъ головою, замахалъ батогомъ ДЛИННЫМЪ своимъ, закричалъ: собъ, собъ, собъ малый! чтобы дать всадникамъ дорогу, и потомъ отвѣчалъ: «До Чаповця? Якъ мини то далеко; а якъ панамъ, то близко!» — Какъ такъ? спросилъ Охинъ. — «Бо у пановъ кони добры!» — А горы есть? — «Е!» — Много? — «Одна». — Велика? — «Якъ звиттыля, то не дуже, а якъ туды, то гай, гай, гай»... то есть: коли оттуда ѣхать, то не такъ велика; а какъ туда, то ой—ой—ой!

ГЛАВА III.

Привалъ.

Когда избавить насъ Творецъ Отъ шляпокъ ихъ, чепцовъ и шпилекъ и булавокъ! И модныхъ и бисквитныхъ лавокъ!

Драгуны наши отъ души разсмѣялись. Капитанъ потрунилъ надъ Карачуномъ и земляками его, а какъ они доѣхали до корчмы, передъ которою сидѣлъ, на порожней бочкъ, панъ арендаржъ, шинкарь, чулкахъ Мойшель, безъ ВЪ пятокъ, башмакахъ безъ задниковъ и въ сальныхъ короткихъ панталонахъ нанковыхъ то капитанъ пуговицъ, И скомандовалъ: «стой! слѣзай!» Охинъ хотълъ прислужиться, и потому, не теряя времени, кварту жиду подать наливки, «Дѣло!» закричалъ вишневки. капитанъ: «но между прочимъ водки! Эта наливка пополамъ съ водою; а ты знаешь, что я боюсь воды, какъ бъщеная собака!»

Нескладный крикъ десятка голосовъ, въ числѣ коихъ можно было отличить мужской, призывающій кликомъ: ратуйте, кто у Бога вируе! ратуйте! на помощь, и нѣсколько бабьихъ, жидовскихъ и дѣтскихъ, возбудили вниманіе молодежи нашей, и они всѣ бросились за корчму.

Большой воловій возъ, нагруженный арбузами и дынями, стоялъ, запряженный, у заднихъ воротъ корчмы, имѣвшей, какъ обыкновенно, вмѣсто двора, обширный сарай подъ одною кровлею съ тѣснымъ и грязнымъ жильемъ. Одна жидовка держала

на рукахъ мальчишку, который кричалъ и всей силы; безчисленное И30 всякой величины, множество жиденковъ предводительствомъ другихъ трехъ жидовокъ, растаскивали арбузы и дыни съ между хату, тѣмъ неповоротливый хохоль въ кожухѣ и въ свиткъ, среди жаркаго лъта, метался, какъ угорълый, во всъ стороны; и всъ они, и малый и великій, бормотали, кричали Мужикъ голосъ. визжали ВЪ подоспъвшимъ на помощь въ ноги, и не переставаль кричать, какъ будто его кто «ратуйте, кто у Бога вируе, ратуйте!» Трудно было понять и разобрать, что тутъ происходило. Но капитанъ началъ тъмъ, что разогналъ нагайкой жидовокъ и жиденковъ, и заставилъ пришедшаго въ себя хохла разсказать Карачуну все дъло, а этотъ пересказалъ слѣдующее: мужикъ везъ съ баштана своего арбузы и дыни въ мъстечко на базаръ; корчмарь остановилъ его на перепутьъ, продержалъ, уговаривая продать ему возъ, часа два, наконецъ, грѣхомъ, уговорилъ, пополамъ СЪ

поподчивалъ наливкой и сдалъ на руки жидовкамъ. Здѣсь начался торгъ: мужикъ просиль за возъ два рубля, жидовки сулили 40 грошей, наконецъ неимовърнымъ крикомъ И шумомъ приступали къ нему, до того, что бѣдняка почти оглушили; а когда онъ вырвался, закричаль: цурь вамь, пекь вамь, и хотьль отъ нихъ убраться, то одна схватила съ ребенка, a цѣлая стая израилева бросилась со всъхъ сторонъ возъ. Ошальвшій, одурьвшій расхищать хохолъ кидался во всѣ стороны; жидовка съ ребенкомъ бъгала отъ него вокругъ воза; онъ за нею гонялся; другая хватала его за капишонъ свитки и совала въ глаза сорокъ грошей мѣдью; жиденки подкатывались ему подъ ноги, кричали: ой, вей! онъ черезъ нихъ падалъ... «И такъ разбой на большой смыслѣ дорогъ, полномъ ВЪ слова», Розогъ! закричалъ капитанъ. сказалъ штабсъ-капитанъ горячій нѣмецъ, Герстенмейеръ: – выпоремъ всю корчму, и жидовокъ жиденятъ И И все племя «Розогъ!» израилево! подхватилъ

капитанъ, «а между прочимъ водки». – Постой, Карлъ Карловичъ, не горячись, – сказалъ Костроминъ; не забудь, что мы къ пану Жабруцкому, корчмарь его арендаржъ; итакъ не ловко будетъ начать новое знакомство такимъ образомъ. Лучше дѣло МЫ ему поразскажемъ и будемъ требовать, чтобы наказалъ. — Итакъ жида арендаржъ отдълался на этотъ разъ доброю заушиной, которою снабдилъ прощанье Карлъ Карловичъ, и кавалерія наша, выпроводивъ хохла на большую дорогу, тронулась на Чаповецъ.

Потолковавъ объ этомъ происшествіи и объ угнетеніи юго—западныхъ губерній нашихъ жидами, капитанъ опять придрался къ хохлу, какъ онъ называлъ Карачуна, и утверждалъ, что безмозглые земляки его сами этому причиной. «Не поддавайся», кричалъ онъ, какъ будто командовалъ передъ эскадрономъ, «не поддавайся, такъ и помыкать тобою не будутъ!» — Золотое правило, — замѣтилъ Карачунъ; — но опытъ намъ показываетъ, что не всѣ и не всегда

ему слъдовать. Сообразите любезный капитанъ, всъ обстоятельства, средства и пронырливыя ухватки, коими это пресмыкающееся племя искони научилось пользоваться, для притъсненія и угнетенія бъднаго крестьянина; ухватки, переходящія какъ достояніе наслѣдственное изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну, отъ сына къ внуку, захотите быть не несправедливымъ, чтобы сложить всю вину этого бъдствія на мужиковъ; несравненно болѣе потворство жадныхъ къ деньгамъ помѣщиковъ здѣсь этому причиною; дворянство польское, мужики всъ a малороссы. Еврей ВСЮ жизнь свою изученію усовершенію посвятилъ И искусства пользоваться временемъ, обстоятельствами и нуждами ближняго; у мужика есть занятія другія, и потому онъ познаніи свѣта людей долженъ И нъсколько отстать отъ перваго; къ тому еще вся промышленность, курсъ, деньги, цѣны и товары рукахъ у жидовъ, которые ВЪ дъйствуютъ и въ оборотахъ своихъ точно разговариваютъ: ОНИ всъ вдругъ. какъ